

СТАТЬИ

К ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОДПОЛья В СИБИРИ В 1918—1920 ГОДАХ

М. И. Стишов

В первые месяцы после победы Великого Октября в результате триумфального шествия социалистической революции Советская власть в короткий срок утвердилась во всей России, в том числе и на необъятной территории Сибири. Однако уже летом 1918 г. власть Советов здесь была свергнута объединенными силами внешней и внутренней контрреволюции, поднявшими мятеж чехословацкого корпуса, солдаты которого были обмануты империалистами Антанты и контрреволюционными партиями.

Положение Советской власти в Сибири в первые же дни мятежа оказалось чрезвычайно трудным. Во-первых, в тот момент в Сибири не было крупных вооруженных советских сил. Наиболее боеспособные части Красной гвардии сражались против банд Семенова в районах, граничащих с Маньчжурией. Во-вторых, сибирские Советы в результате внезапных боевых действий мятежников на всей Транссибирской магистрали не только сразу были отрезаны от центра, но и оказались изолированными друг от друга. Наконец, в-третьих, и это было, пожалуй, самым главным, сибирское среднее крестьянство в силу ряда причин не выступило активно в дни мятежа в защиту Советской власти, колебнувшись под влиянием эсеров в сторону буржуазии, поддержав тем самым «фронт Учредительного собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эсеров...»¹.

Несмотря на исключительные трудности, немногочисленные сибирские рабочие красногвардейские отряды, руководимые большевиками, а также части формировавшейся Красной Армии оказали упорное сопротивление врагу. Почти три месяца потребовалось хорошо вооруженным и численно превосходившим силам белочехов и внутренней контрреволюции, чтобы ликвидировать органы Советской власти в Сибири. Несмотря на поражение, героическая вооруженная борьба трудящихся Сибири и Дальнего Востока летом 1918 г. сыграла очень важную роль: она сковала значительные силы белочехов и белогвардейцев, оказав тем самым серьезную помощь молодой Красной Армии в наиболее критические дни ее битвы за Поволжье².

В захваченных врагами районах страны создавались контрреволюционные «правительства». 30 июня 1918 г. в Омске образовался так называемый совет министров «Временного сибирского правительства» в составе пяти человек во главе с эсером П. В. Вологодским³.

Чтобы замаскировать диктатуру буржуазии, это «правительство» на первых порах назвало себя «демократической» и даже «народоправской» властью. На самом же деле эта власть была реакционной, белогвардей-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 197.

² «История гражданской войны в СССР». Т. III. М. 1957, стр. 195.

³ «Народам Сибири». Грамота Председателя Сибирской областной думы. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 1700, оп. 7, д. 38, л. 44.

ской и только до поры до времени прикрывалась эсеро-меньшевистской «демократической» вывеской. За спиной этого сибирского «правительства» стояли кадеты. Они-то и были действительными хозяевами положения, диктовавшими свою волю эсеро-меньшевистским «министрам».

В то время, когда эсеры и меньшевики всячески прославляли так называемое «народовластие», якобы осуществляемое «Временным сибирским правительством», офицерские и кулацкие вооруженные банды начали чудовищную расправу с коммунистами и советскими работниками. Эсеро-меньшевистская контрреволюция стремилась с корнем вырвать все, что было завоевано Великой Октябрьской социалистической революцией. В тюрьмах и концлагерях томились не только коммунисты, но и десятки тысяч людей, которые работали в советских учреждениях или оказывали какое-либо содействие Советской власти, либо сочувственно относились к ней.

Большевикам Сибири предстояла длительная, упорная и жестокая борьба с контрреволюцией. Чтобы поднять массы рабочих и крестьян на эту борьбу, сплотить их в единую революционную силу и повести за собой, большевики должны были прежде всего восстановить свои организации, разгромленные в период контрреволюционного переворота⁴.

Процесс собирания партийных сил и образования нелегальных организаций в Сибири начался в первые же дни после временной победы контрреволюции. Уже в июне 1918 г. в Новониколаевске (Новосибирске), а в июле в Томске и Красноярске были созданы городские подпольные комитеты большевиков. Тогда же (в июле 1918 г.) в Тюмени состоялось совещание большевиков Западной Сибири (в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке продолжалась в это время героическая борьба с интервентами и белогвардейцами). Совещание избрало Оргбюро РКП(б) Сибири в составе С. Черепанова, Ф. Суховерхова-Сычева и Константина Молотова⁵. Было принято решение, чтобы члены Оргбюро объехали губернские города и промышленные центры Сибири для выявления уцелевших от ареста коммунистов и создания инициативных групп, которые развернули бы работу по подготовке выборов городских партийных комитетов и делегатов на областную партийную конференцию большевиков Западной Сибири. Центром пребывания Оргбюро был намечен Томск.

В этом трудном деле сибирские большевики сразу же получили поддержку и огромную помощь со стороны ЦК РКП(б). Уже в начале июля ЦК направил через фронт на Урал и в Сибирь опытных партийных работников с необходимой суммой денег и типографией для оказания помощи в организации и развертывании партийно-революционной работы, а также для подготовки вооруженного восстания рабочих и крестьян⁶.

⁴ Несмотря на то, что проблеме возникновения и деятельности большевистского подполья в Сибири в годы гражданской войны посвящен ряд работ, этот вопрос далеко не исчерпан. Кроме того, имеющаяся литература содержит ряд существенных недостатков. Прежде всего в ней отсутствует анализ и раскрытие проблемы по Сибири в целом, не дается периодизация истории большевистского подполья, а также не рассматриваются тактические ошибки Общесибирского нелегального партийного центра и т. п. В настоящей статье автор пытается в какой-то степени восполнить отмеченные пробелы.

⁵ И. Дмитриев. Большевики в тылу Колчака. См. сборник «За власть Советов». Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Документы. Новосибирск. 1947, стр. 41—42; К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов. 1921, стр. 17.

⁶ Новосибирский областной партийный архив (НОПА), ф. 5, оп. 2, д. 1421, лл. 1—2. Стенограмма доклада «Об основных предпосылках партизанского движения в Сибири и руководстве им со стороны большевистских организаций», сделанного одним из руководителей омского подполья, П. Г. Кринкиным, на заседании Сибирского землячества в Москве 24 декабря 1931 года.

В числе прибывших в Сибирь были: Франц Суховерхов-Сычев, в прошлом видный организатор сибирских горнорабочих, Сергей Черепанов — один из активных участников Октябрьской революции в Сибири, Иван Борисов (Цветков). Ф. Суховерхов-Сычев перед отъездом в Сибирь имел длительную беседу с секретарем ЦК РКП(б) Я. М. Свердловым о специфике строительства большевистского подполья и направлении его деятельности. Таким образом, у колыбели сибирского большевистского подполья стоял Центральный Комитет РКП(б), который постоянно руководил и поддерживал с большевистскими центрами Сибири тесную связь через специально подобранных курьеров. Они передавали за Урал директивы ЦК, доставляли деньги, типографские шрифты и т. д. Среди отважных большевиков, не раз переходивших линию фронта, можно назвать Любовь Гадисову и Александру Михееву, схваченных колчаковской контрразведкой и расстрелянных 2 июня 1919 г., Петра Хотенкова, рабочего-кровельщика, расстрелянного контрразведкой в мае 1919 г., и многих других.

К концу лета 1918 г. Оргбюро РКП(б) Сибири подготовило созыв I областной нелегальной партийной конференции большевиков Западной Сибири. Конференция проходила с 18 по 23 августа в лесу близ Томска. На ней были представлены делегаты от нелегальных большевистских организаций Омска, Новониколаевска, Барнаула, Красноярска, Кемерово, а также от двух уральских городов: Челябинска и Екатеринбургa (Свердловска). Всего на конференции присутствовало 10 делегатов.

За четыре дня работы делегаты обсудили ряд вопросов, по которым были приняты соответствующие решения⁷. Всем своим содержанием эти решения были нацелены на мобилизацию рабочего класса и крестьянства Сибири на вооруженную борьбу за восстановление Советской власти. В них отмечалось, что эта борьба, видимо, пройдет три основных этапа. Первый этап — накопление и организация сил пролетариата, второй — организация широких трудящихся масс для борьбы с контрреволюционными силами и третий — непосредственная вооруженная борьба, направленная на восстановление Советской власти в Сибири⁸.

Характеризуя социально-политическую обстановку и соотношение классовых сил, сложившиеся к тому времени в Сибири, конференция подчеркнула, что контрреволюция, «начавшись мелкобуржуазными лозунгами, должна прийти к военной буржуазной диктатуре, самой свирепой контрреволюции, к самому полному удушению рабочей и крестьянской бедноты». В ходе этого неизбежного процесса мелкая буржуазия и крестьянство должны будут встать на сторону рабочего класса в его борьбе за Советскую власть. «Отход мелкой буржуазии и крестьянства изолирует контрреволюцию и дает больше шансов победы в руки восставшего рабочего класса»⁹, — указывала конференция.

Конференция высказалась за «вооруженное восстание рабочих и солдатских масс в городах и крестьян в деревне, проводимое в сибир-

⁷ Однако при анализе решений конференции сразу же возникает трудность, характерная для изучения всей деятельности сибирского большевистского подполья, — отсутствие многих подлинных документов. Нам не удалось обнаружить ни в публикациях, ни в архивах подлинного текста решений конференции (см. сборник документов и материалов «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Новосибирск. 1959, стр. 46). Поэтому мы вынуждены судить о них по изложению, которое было дано одним из видных руководителей сибирского подполья, Константином Молотовым, в его воспоминаниях, опубликованных в 1921 году. Константин Молотов активно участвовал в выработке решений конференции, поэтому приводимые им тексты этих решений, несомненно, близки к подлинным.

⁸ К. Молотов. Указ. соч., стр. 18.

⁹ Там же, стр. 19.

ском масштабе»¹⁰. Вместе с тем она осудила сепаратные местные восстания, считая, что они лишь распылят силы борющихся и, следовательно, не принесут желаемых результатов.

Отвергнув возможность каких-либо компромиссов с предателями рабочего класса — меньшевиками и эсерами, правильно охарактеризовав социально-политическую обстановку, сложившуюся в Сибири, конференция дала программу борьбы нелегальным партийным организациям и рабочему классу, нацелила их на подготовку вооруженного восстания за восстановление Советской власти в Сибири. Вместе с тем отдельные положения в решениях конференции нуждаются в дальнейшем изучении. Это связано, возможно, с недостаточно четким и полным изложением текста решений Константином Молотовым. На некоторых из этих вопросов, на наш взгляд, следует остановиться.

Прежде всего решение конференции о восстании страдало абстрактностью, в нем отсутствовали практические директивы. Неясно, в какие сроки и какими конкретно путями предполагалось осуществить это вооруженное выступление в общесибирском масштабе. Как можно понять из решения конференции, ее участники полагали, что белоохранительная в Сибири может быть ликвидирована местными силами — сибирскими рабочими и крестьянами. При этом не учитывалось, что главной и решающей силой в борьбе за освобождение Сибири является Красная Армия, а борьба трудящихся во вражеском тылу имеет вспомогательное значение.

Конференция также не сформулировала достаточно четко вопрос об укреплении союза рабочего класса и крестьянства. Выше был приведен отрывок из ее решения, в котором указывалось на неизбежность поворота крестьянства в сторону Советской власти. Это совершенно правильное положение не было подкреплено конкретными указаниями о путях укрепления союза с трудовым крестьянством¹¹. Однако конференция в целом правильно ориентировала большевистское подполье на организацию трудящихся Сибири для вооруженной борьбы против внешней и внутренней контрреволюции.

Духом этой борьбы была проникнута и вся работа конференции. Все партийные организации Сибири были объявлены на военном положении. Делегаты обсудили и приняли Организационный устав, который определял построение нелегальных партийных организаций Сибири.

По уставу подпольные партийные ячейки на предприятиях, в учреждениях и воинских частях должны были строиться по принципу замкнутых «десяток» или «пятерок», затем шли горкомы, а там, где это вызывалось необходимостью, создавались и районные комитеты, приспособленные к условиям нелегальной работы.

На заключительном заседании был избран Областной комитет РКП(б) в составе пяти человек как Сибирский областной центр партийного руководства. В него вошли: Константин Молотов (председатель), Ф. Суховерхов-Сычев (товарищ председателя), С. Дитман (секретарь), М. Рабинович и И. Димитриев (члены комитета); кандидатом в члены обкома был избран К. Ильмер.

I областная нелегальная конференция коммунистов Сибири имела большое значение. Она, как писал Константин Молотов, явилась «тем колоколом, который набатным звоном звал, требовал от рабочего класса Сибири — бросить апатию, опасения и смело встать против бури»¹².

¹⁰ Там же.

¹¹ Впрочем, решения конференции об отношении к крестьянству изложены Константином Молотовым настолько неясно, что это дает повод некоторым исследователям трактовать их в том смысле, что конференция все же дала директивы по вопросу о союзе с крестьянством (см., например, Д. К. Шелестов. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917—1919 гг. М. 1959, стр. 90).

¹² К. Молотов. Указ. соч., стр. 19.

Уйдя в глубокое подполье, большевики не порывали связи с трудящимися массами. Они хорошо видели, что в их среде происходят глубокие процессы, вызванные победой контрреволюции, разнузданной антисоветской пропагандой. Слашавая демагогическая эсеро-меньшевистская пропаганда первоначально сбила с толку некоторые наименее устойчивые слои рабочих. В результате часть сибирского пролетариата колебнулась, правда, ненадолго, в сторону мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров, поверив их лозунгам о так называемом «народоправстве», «Учредительном собрании», «свободе», «равенстве» и т. д.

В этих условиях задача большевиков состояла в том, чтобы рассеять туман эсеро-меньшевистской лжи, раскрыть перед рабочими массами подлинное лицо этих господ — верных слуг буржуазии, ярых врагов пролетариата. Вместе с тем большевики должны были показать рабочим, что вслед за победой контрреволюции возникла непосредственная угроза ликвидации всего, что было завоевано трудящимися в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. Этого отдельные группы рабочих на первых порах или не понимали, или недооценивали. Предстояла упорная борьба за массы, успех которой зависел исключительно от того, насколько удастся большевикам добиться полной изоляции меньшевиков и эсеров от пролетариата. Большевики повели широкую работу в массах рабочего класса, используя при этом профсоюзы.

Как протекала эта борьба, можно хорошо проследить, анализируя решения профсоюзных организаций, принятые летом и осенью 1918 г., когда рабочий класс Сибири в целом окончательно изжил мелкобуржуазные «демократические» иллюзии и твердо встал на путь непримиримой классовой борьбы с буржуазией и ее агентурой.

Остановимся на одном примере. 6 октября 1918 г. в Томске открылся Общесибирский съезд профсоюзов, допущенный эсеро-меньшевистскими правителями. Они рассчитывали повести этот съезд за собой и оказать таким образом влияние на весь рабочий класс Сибири. На съезде присутствовало 110 делегатов, представлявших около ста тысяч организованных рабочих¹³. Вопреки желанию эсеров и меньшевиков председателем съезда был избран большевик М. Рабинович. Уже сам факт избрания коммуниста председателем съезда определенно указывал на то, что левое течение в профсоюзах одержало верх над правым, что период колебаний вправо, наблюдавшихся перед этим в отдельных слоях рабочего класса Сибири, подходил к концу.

В дни работы съезда Областной сибирский подпольный комитет партии, по инициативе которого съезд был подготовлен и созван, провел ряд нелегальных совещаний с делегатами-большевиками по вопросам, связанным с работой съезда и с подготовлявшейся в то время всеобщей забастовкой железнодорожников. Эти совещания дали возможность Сибирскому партийному центру уточнить степень готовности рабочих к забастовке, обобщить и окончательно сформулировать их требования.

Забастовка началась в депо станции Тайга 13 октября 1918 г.; она быстро распространилась почти по всей Транссибирской железнодорожной магистрали. Основными требованиями железнодорожных рабочих были: отмена введенной сдельной системы оплаты и возвращение к установленному еще Советской властью поденному или помесичному вознаграждению рабочих; повышение зарплаты; передача союзу рабочих и служащих права найма и увольнения; возвращение на службу всех железнодорожников, уволенных за поддержку Советской власти,

¹³ Г. Шпилев. Из истории партийной работы в Сибири при Колчаке. «Пролетарская революция», 1928, № 1(72), стр. 70.

с уплатой содержания с момента увольнения; уплата содержания всем бастующим за все время забастовки¹⁴.

В знак солидарности с железнодорожниками объявили забастовку рабочие ряда городов Сибири и Урала: Челябинска, Омска, Новониколаевска, Томска, Красноярска и Иркутска¹⁵. Всесибирский съезд профсоюзов выразил бастующим свою полную солидарность.

Все это вызвало большую тревогу среди белогвардейцев. Они решили расправиться с рабочими самыми крутыми мерами. Сначала был арестован стачечный комитет железнодорожников, а затем, 14 октября, по приказу командира Среднесибирского корпуса генерала Пепеляева был разогнан и Всесибирский съезд профсоюзов¹⁶. После этого началась расправа с бастующими. На станцию Тайга была направлена карательная экспедиция. Рабочим было предъявлено ультимативное требование немедленно явиться в депо и приступить к работе. Одновременно каратели арестовали в качестве заложников 15 рабочих и объявили, что в случае неявки бастующих на работу арестованные будут расстреляны. Перед прямой угрозой расстрела своих товарищей рабочие вынуждены были приступить к работе. Такими же примерно методами была ликвидирована забастовка по всей линии Томской железной дороги; руководители ее были арестованы.

Еще более жестоко была подавлена забастовка в районе дислокации Сибирской белогвардейской армии. Как видно из приказа командующего этой армии генерала Гайды, отданного 18 октября 1918 г., бастовавшие железнодорожники доставили немало хлопот белогвардейским правителям. Они существенно затруднили их действия на фронте против Красной Армии, угрожая полным срывом оперативных планов¹⁷.

Гайда приказал расстреливать забастовщиков, если они откажутся приступить к работе. На площади у главных железнодорожных мастерских Омского железнодорожного узла на глазах у населения были расстреляны пять рабочих — Рассохин, Пиянзов, Петров, Линиченко и Шевченко¹⁸. Многие рабочие были брошены в тюрьму.

Так были потоплены в крови «демократические свободы». Это явилось серьезным уроком для рабочего класса Сибири. Теперь даже те рабочие, которые питали мелкобуржуазные иллюзии, ясно увидели, что лозунги эсеров и меньшевиков о «демократическом строе» являются наглым обманом трудящихся, что они служат лишь прикрытием черной реакции. Этот вывод совпадает с оценкой видного руководителя сибирского подполья А. Масленникова, который писал в ЦК РКП(б) из Омска в октябре 1918 г.: «В рабочей среде оппортунизм изжит. На съезде профсоюзов большинство наших... Все рабочие жадно ждут восстания»¹⁹.

Поднималось на борьбу с контрреволюцией и сибирское крестьянство. В августе — ноябре 1918 г. волной прокатились стихийные восстания крестьян Славгородского, Змеиногорского и Бийского уездов, Алтайской губернии, перекинувшиеся затем в Тобольскую, Томскую и Енисейскую губернии. Эти выступления крестьян, подавлявшиеся в одном месте, вспыхивали в другом, охватывая все новые и новые районы. Большевистские пропагандисты и агитаторы, работавшие в деревнях, пыта-

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. 1. М. 1940, стр. 349.

¹⁶ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Томск, 1957, док. № 316. Однако делегаты съезда успели нелегально избрать Исполком профсоюзов Сибири, руководящая роль в котором принадлежала большевикам (см. Г. Шпилев. Указ. соч., стр. 70).

¹⁷ «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. 1, стр. 348.

¹⁸ Владимир Молотов. Большевики Сибири в период гражданской войны (1918—1919 гг.). Омск. 1949, стр. 87.

¹⁹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 86, оп. 1, д. 28, лл. 1—2.

лись ввести стихийное движение масс в русло организованной борьбы за восстановление власти Советов. Но разбушевавшаяся стихия с трудом поддавалась организационному воздействию. Это объясняется рядом причин, и в первую очередь тем, что сельские коммунисты вследствие своей малочисленности и разобщенности, а также имевшейся в то время в их работе известной кустарщины оказались неподготовленными к тому, чтобы по-настоящему возглавить на этом этапе борьбу крестьянских масс. «К сожалению,— отмечал в уже цитированном выше письме в ЦК РКП(б) А. Масленников,— восстания (крестьян.— М. С.) начинаются без нашего руководства»²⁰.

Причинами, вызвавшими эти первые крестьянские восстания, были антинародная политика эсеро-меньшевистских правителей и объявленная ими в августе 1918 г. мобилизация молодежи в белогвардейскую армию. Крестьяне категорически отказывались посылать своих сыновей на братоубийственную войну против рабочих и крестьян Советской России. В ответ на это белогвардейские власти стали наводнять деревни карательными отрядами, чтобы силой привести к повиновению крестьянские массы. Крестьяне отвечали на эти меры вооруженными выступлениями, кроваво подавлявшимися карателями. Все это послужило важным политическим уроком для сибирского трудового крестьянства. Именно с этого времени в его среде стало особенно заметно изменение настроений в пользу Советской власти.

В. И. Ленин, пристально следивший за процессами, происходившими в среде сибирского крестьянства, указывал еще в конце июля 1918 г.: «Там, где нет большевиков и господствуют чехословацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехословаки встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехословаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов»²¹.

Таким образом, установившийся в Сибири режим контрреволюционного террора и насилия, первый практический опыт революционной борьбы крестьянства, революционно-организаторская работа большевистских групп и отдельных коммунистов в деревне — все это создавало предпосылки для перехода среднего крестьянства от пассивного, а иногда и враждебного отношения к Советской власти к осознанию необходимости борьбы за ее восстановление. «В крестьянской среде... настроения ломаются в пользу Советской власти», — подчеркивал А. Масленников в упоминавшемся выше письме в ЦК РКП(б)²².

На этом заканчивается первый период деятельности большевистского подполья, продолжавшийся с июня 1918 г., то есть с момента образования первых подпольных организаций, по ноябрь 1918 г. — до II нелегальной Сибирской партийной конференции, поставившей новые ближайшие задачи перед партийными организациями и тем самым положившей начало новому этапу в их работе.

В рамках рассматриваемого периода сибирские коммунисты проделали огромную работу. Они консолидировали свои силы, образовали областной партийный центр и городские партийные комитеты, создали значительную сеть нелегальных партийных ячеек на предприятиях и в некоторых воинских частях белой армии, разработали и наладили систему связи с Москвой, а также внутри самой Сибири. Наконец, они привлекли на свою сторону колебавшиеся элементы сибирского пролетариата, ранее шедшие за эсерами и меньшевиками.

²⁰ Там же.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 15.

²² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 86, оп. 1, д. 28, лл. 1—2.

Как видно из сказанного, вся эта работа протекала преимущественно в городах. Деревня, по существу, оставалась в это время еще вне поля зрения как Общесибирского партийного центра (областного комитета), так и общегородских комитетов партии. Коммунисты деревни и сочувствующие им революционно настроенные крестьяне были предоставлены самим себе. Они, как правило, не имели сколько-нибудь прочного контакта в своей работе с городскими партийными комитетами, поэтому их деятельность протекала неорганизованно. Это свидетельствовало о явной недооценке местным партийным центром революционных возможностей сибирского крестьянства. Между тем прошедшие стихийные крестьянские восстания и все последующие события в деревне свидетельствовали о том, что крестьянство при наличии пролетарского руководства может составить большую ударную силу в борьбе с контрреволюцией и иностранной военной интервенцией в Сибири.

Таковы в основных чертах итоги работы, проделанной сибирским подпольем, с которыми оно подходило к своей II нелегальной Сибирской партийной конференции.

18 ноября 1918 г. Колчак, опираясь на буржуазно-помещичью контрреволюцию, действуя по указке своих хозяев — английских, американских и французских интервентов, произвел «государственный переворот», разогнал Директорию и объявил себя «Верховным правителем России». Так бесславно окончила свое существование Директория — детище эсеров и меньшевиков, вся политика которых последовательно расчищала путь к установлению открытой буржуазно-помещичьей диктатуры. «Преступно забывать, — писал В. И. Ленин, — не только о том, что колчаковщина началась с пустяков, но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»)»²³.

Установленный Колчаком кровавый режим военной диктатуры представлял собой ничем не ограниченный произвол и дикое насилие озверевшей монархической военщины над рабочими, крестьянами и демократической частью интеллигенции. В деревнях Сибири бесчинствовали офицерско-кулацкие отряды Анненкова, Красильникова, Волкова и других колчаковских палачей. Порки, расстрелы и грабежи стали обычным явлением. «Действительно, тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирские рабочие и крестьяне заплатились за свою доверчивость», — говорил В. И. Ленин²⁴.

Все это способствовало окончательному определению позиций сибирского крестьянина, все более твердо становившегося на путь беспощадной борьбы с контрреволюцией.

Изменившаяся обстановка требовала новой ориентировки, подведения первых итогов уже накопленного опыта нелегальных форм работы и борьбы коммунистов Сибири. С этой целью 23 ноября 1918 г. была созвана II нелегальная конференция РКП(б) Сибири. Она, как и первая, работала в Томске²⁵. На конференции были представлены Омская (А. А. Масленников, А. Я. Нейбут), Томская (Сейдес), Новониколаевская (Амосов), Красноярская (Михаил)²⁶, Иркутская и Челябинская партийные организации (имена делегатов этих организаций не

²³ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 515.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 5.

²⁵ В. Вегман. РКП(б) при Колчаке. «Сибирь», 1925, № 4, стр. 23; И. Димитриев. Указ. соч., стр. 45.

²⁶ Нам не всегда удавалось установить подлинные фамилии и имена подпольщиков. В таких случаях мы вынуждены были приводить или одни фамилии без инициалов, или только подпольные клички (псевдонимы).

установлены). Сибирский областной комитет партии был представлен К. Молотовым, М. Рабиновичем и И. Дмитриевым²⁷.

Делегаты конференции представляли около 2500 членов партии²⁸. Наиболее многочисленные организации, как Омская и Томская, насчитывали к этому времени до 250 членов партии каждая²⁹. В условиях нелегального существования организаций, требовавших строжайшего отбора людей, вовлекаемых в члены партии, такое число коммунистов представляло собой значительную силу. Опираясь на большую массу сочувствующих, сибирские большевики были способны возглавить борьбу рабочих и крестьян против колчаковского режима. Ввиду того, что на конференцию съехались делегаты почти от всех крупных городских организаций Сибири, ее решили назвать «1-й Сибирской», в отличие от предыдущей, которая представляла только организации Западной Сибири и называлась «Областной».

Нам не удалось установить точную повестку дня конференции. Известно только, что после отчетного доклада Областного комитета партии была единодушно принята резолюция по текущему моменту, содержащая развернутую оценку международного и внутреннего положения.

Когда же конференция перешла к обсуждению вопроса о тактике партийных организаций, то обнаружились принципиальные расхождения и выявились две точки зрения. Одна часть делегатов отстаивала решение августовской конференции, которая, как уже было отмечено, категорически выступала против местных восстаний. Другая часть, составлявшая большинство, высказалась в пользу восстаний местного характера. В итоге обсуждения этого вопроса большинством в два голоса было принято решение, предложенное А. Масленниковым и А. Нейбутом, в котором предусматривалась подготовка планомерного всеобщего вооруженного восстания, а также восстаний местного характера при наличии особо благоприятных условий³⁰. Другие пункты резолюции определяли ряд мер, направленных на дезорганизацию тыла противника.

В новый состав Областного комитета РКП(б) (названного конференцией Центральным Комитетом РКП(б) Сибири)³¹ вошли: А. Нейбут (председатель), А. Масленников, М. Рабинович (секретари), Михаил, Н. Вавилов и др. Казначеем конференция избрала Иосифа Раугалло³². Место пребывания обкома было перенесено из Томска в центр «колчакии» — Омск.

В конце 1918 г. революционное движение в Сибири приняло еще более широкий размах. С декабря 1918 по февраль 1919 г. под руководством нелегальных комитетов РКП(б) вновь бастовали рабочие Иркутска, Красноярска, Барнаула, Тюмени и других городов. Как правило, эти забастовки носили политический характер. Рабочие протестовали против разгула белогвардейской контрреволюции и террора, требовали

²⁷ К. Молотов. Указ. соч., стр. 23.

²⁸ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)». Документы и материалы. Новосибирск. 1959, док. № 41.

²⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 35, л. 1. «Центральному Комитету Коммунистической партии. Доклад Центрального Комитета РКП(б) Сибири» (без даты, но не позднее первой половины декабря 1918 г.— М. С.).

³⁰ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 20.

³¹ Вскоре после образования Сиббюро ЦК РКП(б) оно предложило сибирскому партийному руководству «изменить название Цека на Областной комитет, работающий под руководством бюро Цека» («Партизанское движение в Западной Сибири в 1918—1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова». Сборник документов. Новосибирск. 1936, стр. 31).

³² К. Молотов. Указ. соч., стр. 32; В. Вегман. РКП(б) при Колчаке, стр. 23. В сборнике «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 20. Персональный состав Областного комитета РКП(б), избранного конференцией, приводится не полностью.

освобождения из тюрем политических заключенных и восстановления Советской власти.

Опираясь на революционный подъем рабочих масс, Областной комитет партии взял курс на подготовку, а затем и на проведение городских рабочих восстаний. При этом обком был уверен, что под его руководством восставший рабочий класс Сибири привлечет на свою сторону дислоцированные в городах солдатские гарнизоны, которые помогут пролетариату опрокинуть колчаковский режим и восстановить Советскую власть.

Из всех выступлений в городах Сибири самым значительным было восстание омских рабочих в декабре 1918 года³³. Во главе восстания стоял Сибирский областной комитет партии, а вся оперативная сторона дела находилась в руках Военно-революционного штаба во главе с членом обкома Н. Вавиловым (Лесным). Штаб проделал большую подготовительную работу. К моменту восстания в омской партийной организации работало свыше 60 ячеек, в которых было 600 коммунистов³⁴.

Как свидетельствует непосредственный участник событий, бывший член Военно-революционного штаба П. Г. Кринкин, помимо рабочих боевых отрядов, штаб имел на своей стороне значительную часть солдат трех колчаковских полков и отдельных подразделений артиллерии³⁵.

Кроме этого, потенциальную революционную силу представляли военнопленные первой мировой войны (около 10 тыс. человек), содержащиеся в омских лагерях. Среди них Военно-революционный штаб проводил большую работу³⁶.

По плану, разработанному Военно-революционным штабом и утвержденному затем Сибирским областным комитетом партии, Омск был разделен на четыре района. Во главе каждого из них был поставлен руководитель восстания, намечены явочные квартиры и способы связи между ними, для каждого района были определены конкретные оперативные задачи.

Цель восстания состояла в том, чтобы захватить Омск с его запасами оружия и снаряжения, а затем повести наступление в восточном направлении — на Новониколаевск и дальше, в шахтерские районы Восточной Сибири³⁷.

Информационно-разведывательный отдел Военно-революционного штаба хорошо наладил наблюдение за всеми правительственными учреждениями, его агенты имелись даже в ставке Колчака. «Все секретные и несекретные распоряжения и приказы ставки Колчака, — сообщает П. Кринкин, — поступали в наш штаб раньше, чем они попадали на места по их прямому назначению»³⁸.

О сроке восстания рабочих в Омске были поставлены в известность все городские подпольные комитеты Сибири. Сибирский областной комитет предложил им приурочить свои выступления к моменту омского восстания. Однако по ряду причин этого не удалось сделать. Красноярск, Канск, станции Ключвенная и Иланская, подпольные организации которых находились в тесной связи между собой, сообщили, что они смогут выступить лишь 27 декабря. Томск просил отсрочить выступление на неделю³⁹.

³³ Подобные восстания рабочих и солдат прокатились и по другим городам и рабочим районам Сибири: в Канске и Иланской (27 декабря 1918 г.), Бодайбо (26 января 1919 г.), Енисейске (5—27 февраля), Туринске (Тобольской губ.) (7 марта), Тюмени (13 марта), Кольчугине (6 апреля 1919 г.) и др.

³⁴ ИМЛ при ЦК КПСС, архив сектора ИГВ, ф. 6, оп. 2, п. 5, д. 8, л. 4.

³⁵ НОПА, ф. 5, оп. 2, д. 1421, л. 9.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, лл. 9—10.

³⁸ В. Вегман. Восстание омских рабочих против колчаковщины, «Сибирские огни». 1931, № 1, стр. 201.

³⁹ Там же, стр. 202.

Областной комитет, обсудив заявления, поступившие с мест, решил не откладывать срока восстания и предложил омской организации выступить самостоятельно. Это было одной из слабых сторон в организации восстания. Другим недостатком, как мы увидим далее, явилась слабая конспирация подготовки восстания.

Уверенные в том, что «победа трудящихся Сибири будет обеспечена»⁴⁰, Сибирский областной и Омский городской комитеты партии на совместном заседании, состоявшемся за неделю до восстания, образовали «Сибирский Совнарком»⁴¹ как будущий орган власти.

План восстания был разработан тщательно, и казалось, что оно будет успешным. Однако еще в период разработки плана в отдельные звенья боевых организаций партии проникли провокаторы.

Накануне восстания, то есть в ночь с 21 на 22 декабря, в ряде конспиративных квартир были собраны рабочие, подготовленные к тому, чтобы занять командные и политические должности в омском гарнизоне. Как утверждают участники событий, многие солдаты гарнизона были подготовлены к восстанию заранее через ротные ячейки. В одну из таких квартир, где собралось более сорока рабочих для получения последних директив Военно-революционного штаба, проник провокатор Волков. По его доносу квартира, где проходило совещание, за два часа до выступления была оцеплена отрядом контрразведки. Все находившиеся там рабочие-командиры были арестованы и той же ночью расстреляны.

В этот критический момент Военно-революционный штаб и руководство Сибирского областного комитета, не определив точно размеров и степени провала, решили отложить срок восстания. Это решение из-за нарушения связи не было вовремя сообщено в первый и четвертый районы, и там, руководствуясь прежней директивой о дате восстания и не зная о провале во втором районе, начали выступление. Повстанцы первого района захватили, в частности, тюрьму и освободили политических заключенных.

Особенно большого размаха достигло вооруженное выступление рабочих в предместье Омска на ст. Куломзино (четвертый район). Восставшие разгромили куломзинскую милицию, обезоружили чехословацкий воинский эшелон, сняли караул с железнодорожного моста и т. д. Уже в ходе вооруженной борьбы куломзинцы получили директиву об отмене восстания, однако обстановка вынуждала продолжать бой. Испытывая большой недостаток в вооружении и боеприпасах, куломзинцы стойко держались более суток⁴². Только после того, как против слабо вооруженных рабочих была применена артиллерия и брошены отборные казачьи части, повстанцы были вынуждены прекратить сопротивление. Началась кровавая расправа. Особенно свирепствовали казаки отряда атамана Красильникова. Они рубили и расстреливали захваченных повстанцев целыми группами.

По далеко не полным данным, в этом восстании насчитывалось до 2 тыс. погибших, из них 100 коммунистов⁴³. Руководящие кадры Сибирского областного и городского комитетов партии остались на этот раз невредимы и продолжали свою деятельность.

Восстание рабочих чрезвычайно напугало белогвардейцев. Начальник контрразведки при главном колчаковском штабе отмечал, что «вооруженное восстание, имевшее место в Омске... могло бы принять грандиозные размеры, если бы Омский центральный военный штаб (Военно-революционный штаб Сибирского областного комитета РКП(б).—

⁴⁰ НОПА, ф. 5, оп. 2, д. 1421, лл. 9—10.

⁴¹ ИМЛ при ЦК КПСС, архив сектора ИГВ, ф. 6, оп. 2, п. 5, д. 8, л. 4.

⁴² Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.). Сборник документальных материалов. Омск. 1952, док. № 88.

⁴³ Там же, док. №№ 88, 89.

М. С.), получив уведомление об аресте конгрразведкой штаба 2-го района... и опасаясь ареста, не отдал бы распоряжение о прекращении дальнейших действий...»⁴⁴. В момент начала восстания колчаковский генералитет растерялся настолько, что не решился сразу вывести из казарм войска, боясь их перехода на сторону рабочих. Первыми выступили против восставших англичане. Они выставили пулеметы на всех улицах, ведущих к ставке Колчака⁴⁵. Затем выступили белочехи. Только после этого пришли в себя и колчаковские генералы, бросив верные им части против восставших рабочих. Был момент, когда колчаковцы намеревались направить в Омск войска с фронта. Так, из показания Колчака, данного им в Иркутске во время следствия в январе — начале февраля 1920 г., видно, что он получил с фронта телеграмму генерала Гайды, в которой содержался запрос: не «нужна ли какая-нибудь помощь» войсками с фронта?⁴⁶.

На другой день после поражения восстания состоялось совместное заседание Сибирского областного и Омского городского комитетов партии. Было решено готовить новое выступление. Правда, при обсуждении этого вопроса возникли разногласия о времени выступления. Большинство во главе с А. Масленниковым отстаивало предложенную им дату выступления — 1 февраля 1919 года. Меньшинство, возглавляемое А. Нейбутом, предлагало отложить восстание до весны с тем, чтобы иметь возможность более тщательно подготовиться⁴⁷. В конце концов точка зрения А. Масленникова одержала верх. В результате было решено «развернуть снова усиленную работу по подготовке второго вооруженного восстания»⁴⁸.

Это восстание, начавшееся в 5 часов утра 1 февраля, было через несколько часов подавлено. Сказалась его слабая подготовка.

В городе начались повальные обыски и аресты. Среди арестованных оказались председатель Сибирского областного комитета РКП(б) А. Нейбут, секретарь Омского комитета РКП(б) Чунчин, член Центрального Военно-революционного штаба А. Бушуев и другие руководящие партийные работники⁴⁹.

8 февраля А. Нейбут, А. Бушуев, Чунчин и около 10 других коммунистов были расстреляны. Остальных арестованных приговорили к различным срокам каторги.

Неудача восстания объясняется прежде всего невыполнением решений II Сибирской конференции РКП(б). В них правильно подчеркивалось, что подпольные организации должны взять на «себя руководство всеми восстаниями, восстаниями рабочего класса и крестьянства», чтобы придать им организованный и планомерный характер⁵⁰. Однако руководство Областного комитета РКП(б), избранное II конференцией, ограничилось в своей деятельности подготовкой только рабочих восстаний с привлечением солдат; крестьянство, несмотря на решение конференции, еще не было привлечено к поддержке выступлений рабочих и в основном пассивно наблюдало за их боевыми действиями.

Эта линия руководства обкома была, безусловно, ошибочной, ибо

⁴⁴ «Омск в дни Октября и установления Советской власти (1917—1919 гг.)». Омск. 1947, док. № 70.

⁴⁵ Английский полковник Джон Уорд впоследствии хвастливо писал, что его «бравые солдаты» оказали неоценимую услугу Колчаку, охраняя ставку последнего (см. Джон Уорд. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. М.-Птгр. 1923, стр. 98—102).

⁴⁶ «Допрос Колчака». Л. 1925, стр. 199.

⁴⁷ См. Владимир Молотов. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁸ НОПА, ф. 5, оп. 2, д. 1421, лл. 10—11; ЦГАОР и СС, ф. 147, сп. 8, д. 14, л. 75.

⁴⁹ НОПА, ф. 5, оп. 2, д. 1421, лл. 10—11; Владимир Молотов. Указ. соч., стр. 98.

⁵⁰ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 20.

отрывала революционные выступления рабочего класса от уже начавшейся борьбы основных масс трудящегося крестьянства против белогвардейского режима. Ошибочность данной тактической линии Областного комитета вытекала, во-первых, из забвения ленинского учения о союзе рабочего класса и крестьянства и, во-вторых, из переоценки сил сибирского рабочего класса и недооценки сил противника.

Вот почему восстания рабочих и солдат, проходившие разновременно в отдельных городах Сибири, а главное, в отрыве от крестьянского движения, были сравнительно легко подавлены колчаковским правительством.

Однако, критикуя отдельные тактические ошибки Сибирского партийного центра, взявшего курс на проведение только городских восстаний, мы ни в какой мере не должны принижать того огромного значения, которое имели эти выступления. Восстания показали крестьянам, что сибирские рабочие, руководимые большевиками, несмотря на свою относительную малочисленность, представляют большую силу, способную повести трудящихся на решительную борьбу с ненавистной колчаковщиной. Именно с этого времени сибирский рабочий класс, несмотря на понесенные поражения, уже обогащенный ценным опытом борьбы с белогвардейщиной, стал выступать как ведущая сила в складывавшемся военно-политическом союзе с трудовыми массами сибирского крестьянства.

После частичного, но все же очень серьезного провала, связанного с неудавшимися декабрьским и февральским восстаниями в Омске, Сибирский областной и Омский городской комитеты партии сравнительно скоро оправились и снова развернули работу в массах, особенно в деревне, с целью организации повстанческого и партизанского движения среди крестьянства. В этом им была оказана значительная помощь со стороны Сибирского бюро ЦК РКП(б), образованного ЦК РКП(б) 17 декабря 1918 года⁵¹.

На этом заканчивается второй период истории сибирского подполья, продолжавшийся с ноября 1918 до марта 1919 года. Хронологически этот период совпадает со временем, прошедшим от II до III Сибирской партийной конференции РКП(б).

Этот период начинается одновременно с установлением открытой военно-террористической диктатуры буржуазии, пытавшейся железом и кровью сломить сопротивление рабочих и крестьян. Однако эта попытка привела к обратным результатам: вместо повинования, которого ждала буржуазия, трудящиеся массы стали переходить к организованным формам партизанской борьбы. В указанный период Сибирский нелегальный партийный центр пытался свергнуть колчаковщину путем городских восстаний рабочих с привлечением на сторону последних распропагандированных солдат белогвардейских гарнизонов. Это было основным направлением в работе Сибирского областного комитета РКП(б). Руководство Сибирского областного комитета стало постепенно осознавать ошибочность такой тактики после провала омского восстания 1 февраля 1919 года. С этого времени в Сибирском партийном центре (а на местах еще раньше) стал намечаться перелом в сторону усиления революционной работы в деревне с тем, чтобы возглавить стихийную борьбу трудового крестьянства с контрреволюцией и придать ей организованный характер. Следует отметить, что необходимая форма борьбы была уже найдена рабочими и крестьянскими массами. Это было начавшееся еще осенью и зимой 1918—1919 гг. в ряде губерний Сибири партизанское движение, руководимое местными большевистскими городскими комитета-

⁵¹ «Из истории гражданской войны в СССР». Т. I. Май 1918 — март 1919 г. М. 1960, док. № 425; Л. М. Спириин. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны. «Вопросы истории КПСС». 1961, № 2.

ми и работавшими под их руководством деревенскими партийными и революционными ячейками.

Партизанское движение в Сибири к лету и осени 1919 г. превратилось в общенародное. Это объясняется, с одной стороны, поворотом среднего крестьянства Сибири в сторону Советской власти, с другой — новой линией сибирских большевиков, определенной III нелегальной партийной конференцией в соответствии с решениями VIII съезда РКП(б) об отношении к среднему крестьянству. Борьба за реализацию этих решений составила основное содержание третьего этапа истории большевистского подполья Сибири.

Экономическая жизнь Сибири в условиях господства белогвардейцев с каждым месяцем катастрофически ухудшалась. Классовые противоречия все более обострялись, принимая форму открытой и непримиримой гражданской войны.

Захватив власть, контрреволюция стала осуществлять так называемую свободу торговли. В условиях нехватки промышленных товаров, в особенности предметов первой необходимости, такая «свобода торговли» породила безудержную спекуляцию. В результате этого бумажные деньги были обесценены, реальная заработная плата трудящихся резко пала, имущие классы получали баснословные барыши.

Если же учесть режим насилия и произвола, установленный белогвардейцами в Сибири, то будет ясно, почему сибирское крестьянство отвернулось от буржуазии и встало на путь сближения с рабочим классом и его авангардом — Коммунистической партией. «Крестьянство само организуется и ищет связей с комитетами большевиков»⁵², — сообщали сибирские подпольщики в ЦК РКП(б) весной 1919 года. Так, в процессе мучительных поисков выхода из невыносимого положения, созданного контрреволюцией, сибирское крестьянство обрело наконец верного руководителя в борьбе за землю, за право на труд и свободу.

В такой обстановке открыла свою работу II (по счету третья) Общесибирская нелегальная партийная конференция. Конференция состоялась в Омске 20—21 марта 1919 года. На ней присутствовало около двадцати делегатов от владивостокской, благовещенской, читинской, верхнеудинской, иркутской, красноярской, томской, новониколаевской, омской и челябинской организаций⁵³. Конференция заслушала отчет Областного комитета РКП(б), доклады с мест, рассмотрела текущий момент, вопросы тактики, вопрос о вооруженном восстании, организационные вопросы, текущие дела и провела выборы нового Областного комитета⁵⁴.

По свидетельству участников конференции, работа ее происходила в условиях строжайшей конспирации, соблюдавшейся во много раз более тщательно, чем прежде⁵⁵.

Решения конференции ярко характеризуют борьбу большевиков за массы сибирского крестьянства в тяжелую годину колчаковской реакции.

Основываясь на ленинской политике укрепления военно-политического союза рабочего класса с трудовыми массами крестьянства, провозглашенной VIII съездом партии, а также учитывая уроки поражения восстаний, прошедших в ряде городов Сибири в конце 1918 — начале 1919 г., конференция в резолюции по вопросам тактики выдвинула как

⁵² «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)», док. № 87.

⁵³ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 21.

⁵⁴ НОПА, оп. 2, д. 602, лл. 2—9. «II Всесибирская конференция по записи С. И. Деябиной — уральского делегата».

⁵⁵ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 21.

главную задачу укрепление руководящей роли пролетариата по отношению к трудящимся массам крестьянства. «Отдавая себе ясный отчет в значении и роли мелкой буржуазии в данный и последующие моменты революции,— говорилось в решении,— пролетариат должен... направить свои силы на организацию деревни, должен подтолкнуть крестьянство на борьбу с буржуазией, для установления Советской власти в Сибири...»⁵⁶.

Определяя место и значение революционной борьбы сибирского пролетариата и крестьянства, протекавшей в условиях войны Советской России с силами русской и иностранной буржуазии, резолюция подчеркивала далее, что эта борьба трудящихся Сибири «является не борьбой за самостоятельную сибирскую революцию, а вспомогательной операцией русской и международной социальной армии — частью русского и международного Советского фронта»⁵⁷.

Таким образом, рассматривая нараставшую борьбу трудящихся Сибири как вспомогательный фактор по отношению к действиям Красной Армии, конференция определила основные задачи большевистского подполья. Главной задачей конференции считала организацию восстания самых широких масс рабочих, крестьян и солдат для восстановления Советской власти в Сибири. В резолюции было указано, что начавшаяся партизанская война должна быть направлена на отвлечение максимального количества сил белых от Восточного фронта, подрыв путей сообщения и средств связи врага, нарушение снабжения белогвардейских войск. Чтобы парализовать действия врага, конференция призывала к организации саботажа во всех сферах хозяйственной жизни. Она указала на необходимость усиленной агитации среди рабоче-крестьянских масс, особенно среди солдат белогвардейских войск и иностранных частей, агитации, которая направляла бы массы к активным формам борьбы и разлагала бы организованную живую силу противника в тылу и на фронте.

Конференция обратила особое внимание всех парторганизаций Сибири на необходимость всемерного усиления пролетарского руководства крестьянским движением. С этой целью был разработан и утвержден ряд документов, детально определявших все стороны деятельности большевистского подполья. В частности, в уставе РКП(б) «для Сибири и Урала», принятом конференцией, были сформулированы основные положения, руководствуясь которыми коммунисты должны были строить всю свою практическую работу на местах. Чтобы приблизить партийное руководство к трудящимся массам, уставом было предусмотрено создание двух зональных бюро — Уральского (Курган, Челябинск, Екатеринбург, Пермь, Златоуст, Уфа и прилегающие к ним районы) и Восточно-Сибирского (Верхне-Удинск, Чита и центры, расположенные на восток от Читы, с их районами) — с подчинением Областному комитету РКП(б). Сибирь должна была покрыться, как это видно из устава, сетью городских и деревенских военно-революционных штабов.

Наряду с военно-революционными штабами при общегородских и районных комитетах партии создавались специальные крестьянские секции. Их задачи сводились в основном к всесторонней подготовке трудящихся деревни к восстанию⁵⁸.

Кроме устава, конференция приняла «План военных организаций РКП для Сибири», в котором определялась структура штабов, начиная от Главного штаба при Областном комитете РКП(б) и кончая городскими и сельскими районными штабами. В задачу штабов входила организация специальных подрывных отрядов для действий на коммуника-

⁵⁶ Там же, док. № 23.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)», док. № 90.

ниях врага, создание революционных ячеек в армии Колчака, руководство боевыми действиями партизанских отрядов и районными крестьянскими штабами, приобретение оружия, боеприпасов, медикаментов, перевязочных средств и транспортировка их в партизанские районы, вербовка и учет специалистов, сбор и обработка разведывательных данных о противнике⁵⁹.

Кроме этих документов, конференцией были утверждены также «Инструкция партийным комитетам и штабам по организации партизанских отрядов», «Инструкция по организации деревенских комитетов, крестьянских штабов и отрядов» и «Инструкция для революционно-партизанских и повстанческих отрядов»⁶⁰. В последней указывалось, что «группа партизанских отрядов, распространив свое влияние на обширный район, должна приступать к организации в этих местах Советской власти впредь до реорганизации ее на правильных, Совнаркомом утвержденных основаниях»⁶¹.

Цель принятия этих инструкций состояла в том, чтобы ликвидировать разнобой и кустарщину в работе, дать ясную ориентировку рабочим и крестьянам и, поставив перед ними четко сформулированные задачи, полностью подчинить партизанское и повстанческое движение большевистскому руководству.

Из документов, принятых конференцией, особый интерес представляет «Инструкция по организации деревенских комитетов, крестьянских штабов и отрядов», в которой сибирские коммунисты впервые за время их подпольной деятельности в белогвардейском тылу обосновали идею прочного союза рабочего класса и крестьянства в условиях Сибири как основного залога успешной борьбы с колчаковщиной. В инструкции отмечалось, что «сибирское и уральское крестьянство теперь поняло, что только в союзе с городским пролетариатом... оно сможет поправить разрушенное буржуазией народное хозяйство, установить справедливый порядок... и избавить себя от произвола полиции и офицеров.

Так как этот союз городской и деревенской бедноты возможно осуществить только через Советы, то поэтому сибирское крестьянство стремится теперь к тому же, за что уже давно начал борьбу сибирский рабочий; их общая цель есть свержение ненавистного народу самодержавия адмиралов и атаманов, установление власти Советов рабочих, крестьян и солдат; достижение этой цели возможно только посредством всенародного вооруженного восстания...»⁶².

Таково основное содержание резолюций и других документов, принятых конференцией. Красной нитью проходит в них мысль о том, чтобы повсеместно развернуть весной и летом 1919 г. партизанскую войну против белогвардейской реакции и иностранной военной интервенции, втянуть в нее самые широкие массы трудового крестьянства, выступающего под руководством пролетариата и большевистской партии. Это была новая и вместе с тем единственно правильная тактическая линия в деятельности сибирских большевиков.

Конференция избрала Областной комитет РКП(б) в составе семи человек. В него вошли А. Масленников, М. Рабинович, Генрих, Елена (С. И. Дерябина), А. Усов, Рысаков, Петрович⁶³.

Руководствуясь решениями конференции, местные нелегальные партийные организации развернули энергичную работу среди крестьянских масс, призывая их к восстанию против ненавистной народу колчаковщины. Откликаясь на призывы коммунистов, крестьяне, в свою очередь,

⁵⁹ Там же, док. № 92.

⁶⁰ Там же, док. №№ 93, 94, 95.

⁶¹ Там же, док. № 95.

⁶² Там же, док. № 94.

⁶³ Там же, док. № 97. Подлинные имена Генриха и Петровича установить не удалось.

сами стали проявлять инициативу в установлении непосредственной связи с комитетами большевиков и выносить решения о поддержке восстания людьми, деньгами и продовольствием, адресуя эти решения «в комитеты большевиков»⁶⁴. «В деревне работа ведется так: организуются партийные ячейки, которые ведут агитацию за вооруженное восстание и за поддержку восстания, если оно вспыхнет в городе», — доносила начальству колчаковская контрразведка⁶⁵. Крестьянское движение вскоре влилось в мощный поток массового народного движения, которое до основания расшатало устои буржуазно-помещичьего режима Колчака.

Однако не дремал и враг. Он уже не раз наносил чувствительные удары большевистскому подполью, вырывая из его рядов наиболее видных организаторов и руководителей. Сильным оказался удар, нанесенный 2 апреля 1919 года.

Вскоре после окончания работы конференции было установлено, что «челябинский делегат» Карпович является провокатором, подосланным с подложным мандатом колчаковской охранкой, которая воспользовалась захваченной печатью челябинской организации⁶⁶. Установив этот факт, Областной комитет вынес провокатору смертный приговор, приведенный затем в исполнение. К сожалению, справедливое возмездие наступило слишком поздно, уже после того, как провокатор успел сообщить контрразведке о людях, явочных квартирах и т. д. Начались аресты и обыски. У многих арестованных нашли оружие, переписку, шифры, деньги⁶⁷. В числе арестованных оказались наиболее видные члены Областного комитета РКП(б) А. Масленников и М. Рабинович (оба были расстреляны 18 апреля 1919 г.), а также почти весь состав Омского городского комитета партии.

В эти дни жесточайшего белого террора избежавшие ареста члены обкома, кооптировав в свой состав новых членов⁶⁸, ни на одну минуту не прекращали работы, продолжая готовить рабочих и крестьян к всеобщему вооруженному восстанию.

Об этом свидетельствует информационный доклад Областного комитета партии, отправленный в апреле 1919 г. в ЦК РКП(б). Оценивая обстановку в Сибири, сложившуюся к весне 1919 г., обком писал: «1. полная изоляция буржуазии от трудового крестьянства и части интеллигенции благодаря буржуазной диктатуре и грабительской экономической политике; 2. опора буржуазии — тонкий слой кулаков, купцы, офицерство... Сибирское крестьянство, по своему экономическому положению индифферентное к социалистической революции, стало под влиянием буржуазного гнета революционным фактором; 3. крестьянство признало своим вождем городской пролетариат, предоставив ему себя как ударную силу в борьбе с буржуазной диктатурой...»⁶⁹.

Таким образом, собственный опыт масс сибирского трудового крестьянства и деятельность большевистского подполья не только обеспечили перелом в пользу Советской власти в настроении среднего крестьянства, но и превратили последнее в ударную силу массового антиколчаковского движения. «Мы бесконечно сильными стали потому, — указывал В. И. Ленин в июле 1919 г., — что миллионы научились понимать, что такое Колчак; миллионы крестьян Сибири пришли к большевизму, — там поголовно ждут большевиков...»⁷⁰.

⁶⁴ Там же, док. № 87.

⁶⁵ «Омск в дни Октября и установления Советской власти (1917—1919 гг.)», док. № 70.

⁶⁶ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 21.

⁶⁷ В. Вегман. РКП(б) при Колчаке. «Сибирь», 1925, № 4, стр. 25.

⁶⁸ Вместо А. Масленникова и М. Рабиновича в члены Сибирского обкома были введены М. Никифоров и П. Ф. Парняков, причем последний был избран секретарем ОК.

⁶⁹ «Омские большевики в борьбе за власть Советов (1917—1920 гг.)», док. № 97.

⁷⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 431.

Общесибирский партийный центр развернул деятельность по реализации решений III партийной конференции. Однако в двадцатых числах апреля был арестован весь состав Сибирского областного комитета партии, за исключением одного человека⁷¹. Тогда же был разгромлен и Омский комитет партии. Этим был нанесен большой урон всему сибирскому подполью, лишившемуся своего руководящего центра.

Уничтожая коммунистов, сочувствующих им передовых рабочих и революционно настроенных крестьян, колчаковская клика пыталась укрепить свое положение. Однако это были тщетные усилия, ибо внутриполитическое положение в Сибири из-за этих массовых репрессий еще более обострялось. Успешные боевые действия Красной Армии летом и осенью 1919 г. вдохновляли трудящихся Сибири, вселяли в них бодрость и уверенность в скорой победе.

Местные городские и районные комитеты хотя и остались теперь без единого Сибирского руководящего центра, но, будучи вооружены конкретными решениями III Общесибирской нелегальной конференции РКП(б), знали, что и как надлежит им делать. Эти решения позволяли избежать разнобоя в работе, направляли практическую деятельность всех подпольных организаций к одной цели — неуклонному накоплению сил и средств для решающей схватки с врагом. Даже в Омске, где последствия провала были особенно велики и казались непоправимыми, вскоре началось оживление. Начало этому было положено коммунистами, уцелевшими от арестов. В мае они образовали инициативную группу с целью воссоздания Общесибирского и Омского комитетов партии, которая подготовила омскую партийную конференцию, состоявшуюся в первых числах июня. Решив ряд текущих дел, касающихся восстановления нарушенных связей с Сиббюро ЦК РКП(б), с партизанскими отрядами и налаживания разведывательной работы, конференция избрала новый городской комитет из пяти человек. В него вошли: Карл Карлсон (Коля), Иван (Булла), И. М. Скрябинский (Костя), П. Г. Кринкин (Георгий) и Иосиф Шамоди (Иван)⁷². Делегатом на сибирскую конференцию РКП(б), которую предполагалось провести в Иркутске, был избран П. Г. Кринкин. Так снова возобновилась прерванная было боевая деятельность омского подполья.

Тем временем пламя повстанческого и партизанского движения схватило всю Сибирь. К осени 1919 г. на огромной территории от Прииртышья до Байкала самоотверженно сражались руководимые коммунистами партизанские отряды, преобразованные затем по директиве ЦК РКП(б)⁷³ в партизанские соединения и целые армии с централизованным управлением, насчитывавшие в общей сложности, по далеко не полным данным, свыше 100 тыс. бойцов.

В ходе вооруженной борьбы партизаны восстанавливали рабоче-крестьянскую власть. В освобожденных ими районах под руководством городских партийных комитетов большевиков создавались советские органы местного управления — от сельских Советов до облисполкома в Алтайской губернии, Объединенного Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов в Приенисейском крае и Центрсовета в северо-восточных районах Иркутской губернии. Поддержанные бедняцко-среднеяцкими массами населения, эти советские органы осуществляли гражданскую власть и руководили всей хозяйственной и культурной жизнью населения освобожденных районов. Для примера приведем один документ, который показывает, как сами крестьяне создавали органы Советской власти. Этот документ — протокольная запись заседания съезда делегатов Алтайской губернии, состоявшегося в селе Чистюньке (Бар-

⁷¹ К. Молотов. Указ. соч., стр. 51.

⁷² Г. Шпилев. Указ. соч., стр. 82—83.

⁷³ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», док. № 35—36.

наульский уезд) 13 августа 1919 года. На съезде присутствовали представители от 36 сел. Одобрив деятельность Главного партизанского штаба Алтайской губернии, съезд перешел затем к обсуждению основного вопроса — о власти. Постановление по этому вопросу было сформулировано следующим образом: «Решено выпустить декрет о власти так: распустить как волостные, так и сельские земства с 13 августа, выбрать Советы — в сельских по 7 человек, волостных 9 и уездных 11 человек и принять из земства трудовую интеллигенцию, которая идет в рядах трудового крестьянства»⁷⁴.

В. И. Ленин указывал, что «недостаточно принести извне пролетарскую власть и дать ее деревне. Нужно, чтобы крестьянство своим опытом, своим строительством пришло к тем же выводам...»⁷⁵. Опыт сибирского крестьянства, испытавшего эсеро-меньшевистский, а затем и колчаковский кровавый режим, как нельзя лучше подтверждает приведенные выше слова В. И. Ленина.

Героическая деятельность сибирских большевиков-подпольщиков приносила свои плоды. Под их руководством росло и ширилось мощное массовое народное движение против колчаковцев и интервентов, приводившее в трепет белогвардейцев. «Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, — писал в своем дневнике управляющий военным министерством «правительства» Колчака барон Будберг, — на которой... офицер наносит красными точками пункты и районы востанов в нашем тылу; эта сыпь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью»⁷⁶. Партизаны Сибири громили врага, оказывая помощь наступающей Красной Армии. Час освобождения Сибири приближался.

14 ноября 1919 г. Красной Армией был взят Омск. Центр сибирской контрреволюции передвинулся из Омска в Иркутск, где белогвардейцы и интервенты предполагали создать новую базу для продолжения борьбы с Советской республикой. По мере продвижения Красной Армии на восток, в глубь Сибири, сфера деятельности сибирского подполья территориально суживалась. И поскольку иркутская организация РКП(б) являлась в этот период одной из наиболее сильных в Сибири, она естественно стала превращаться в центр большевистского руководства борьбой с колчаковщиной. В силу этих обстоятельств к ней и перешла инициатива созыва IV нелегальной Сибирской конференции РКП(б), которая должна была решить назревшие вопросы и избрать руководящий партийный орган.

Однако попытка Иркутского комитета РКП(б) осуществить это намерение не увенчалась полным успехом. В конце ноября 1919 г. в Иркутске⁷⁷ собрались представители лишь четырех организаций — новониколаевской, томской, иркутской и владивостокской⁷⁸. Поскольку были представлены лишь четыре организации, совещание не сочло возможным объявить себя IV партийной конференцией. Тем не менее участники его выбрали из своей среды Сибирский комитет РКП(б), так как обстановка настоятельно требовала создания централизованного руководства местными партийными организациями. Так был создан новый Областной партийный центр, в который вошли от Владивостока — А. Ширямов (председатель комитета), от Иркутска — К. Миронов, от

⁷⁴ Там же, док. № 85.

⁷⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 112.

⁷⁶ «Гражданская война в Сибири и северной области» (Революция и гражданская война в описании белогвардейцев). М.-Л. 1927, стр. 175.

⁷⁷ И. В. Сурнов. Последний этап борьбы с колчаковщиной. Сборник воспоминаний «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Иркутск. 1957. стр. 402.

⁷⁸ А. Ширямов. Борьба с колчаковщиной. «Последние дни колчаковщины» Сб. документов. М.-Л. 1926, стр. 21.

Томска — М. Сумецкий и от Новониколаевска — И. Сурнов⁷⁹. Сибирский комитет РКП(б) нелегально обосновался в Иркутске, местная партийная организация* стала опорной базой в его практической работе.

Сибирский и Иркутский нелегальные комитеты РКП(б) сыграли важную роль на завершающем этапе борьбы с колчаковщиной. Трудящиеся Восточной Сибири, боровшиеся под руководством коммунистов, еще до прихода регулярных войск Красной Армии покончили с остатками уже разгромленной армии Колчака. Они ликвидировали также эсеро-меньшевистский политический центр, который пытался отделить от Советской России Восточную Сибирь и Дальний Восток и создать на этой территории антисоветское буферное государство как плацдарм для новых антисоветских авантюр. 22 января 1920 г. вся власть в Иркутске перешла в руки большевистского Ревкома. 7 марта 1920 г. войска 5-й Красной Армии, восторженно встреченные трудящимися, вступили в город.

Так победоносно закончилась борьба за восстановление власти Советов в Сибири. Вместе с тем завершился и третий период деятельности сибирских подпольных организаций. По времени этот период явился более продолжительным, чем каждый из предыдущих. Хронологически он охватывает события от III Сибирской нелегальной конференции РКП(б) (март 1919 г.) до окончательного краха колчаковщины в начале 1920 года.

Отличительной чертой третьего периода истории большевистского подполья в Сибири является прежде всего всемерное усиление партийной и революционной работы в деревне, давшей в итоге исключительно важный результат, который состоял главным образом в том, что сибирские большевики, преодолев при помощи ЦК РКП(б) свои тактические ошибки, сумели овладеть стихийным антиколчаковским движением сибирского трудового крестьянства и направить его в русло борьбы за восстановление власти Советов. Это нашло свое конкретное воплощение в массовом партизанском движении — в основном крестьянском по составу, советском по политическому содержанию и пролетарско-большевистском по той силе, которая вдохновила, организовала и возглавила это движение.

Партизанское движение в Сибири — блестящая страница в истории славной борьбы сибирских рабочих и крестьян за власть Советов. Свою положительную роль это движение смогло сыграть лишь потому, что с самого начала оно было «облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма»⁸⁰. Без этого условия, то есть без пролетарского руководства в лице его авангарда — Коммунистической партии, — партизанское движение не смогло бы преодолеть стихийности, мелкобуржуазной ограниченности и анархизма, не смогло бы иметь успеха. Исключительно большая заслуга в этом принадлежит сибирским большевикам-подпольщикам, действовавшим под непосредственным руководством ленинского ЦК РКП(б).

⁷⁹ А. Ширямов. Указ соч., стр. 21. В предисловии к сборнику «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии» (стр. 28) ноябрьское совещание в Иркутске ошибочно названо IV Общесибирской партийной конференцией. Еще более серьезную ошибку допускает в этом отношении А. Г. Солодянкин. В предисловии к сборнику «Годы огневые, годы боевые» (Иркутск, 1961, стр. 25 и 28) он необоснованно утверждает, что в Сибири в годы гражданской войны якобы состоялось пять сибирских подпольных конференций. На самом деле их было только три. Это подтверждается архивными источниками, публикациями, а также многочисленными воспоминаниями самих подпольщиков. Между тем А. Г. Солодянкин не приводит каких-либо документов или других свидетельств в пользу своего утверждения.

⁸⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 194.